

Содержание

Отклонение

13

Территория насилия

29

Человеческие отношения

211

Слова благодарности

379

Памяти моего отца

Что тебе больше нравится? Полуавтоматический пистолет? Помповое ружье? Смотри, вот, например, "Беретта 92". Она очень проста в обращении. Или возьми "Глок 17" четвертого поколения, девятый калибр, рукоятка удобная, в ладони лежит надежно, нужно только покрепче ее держать, большой палец кладешь вот сюда, подушечкой слегка упираешься в спусковой крючок, и не забудь: стрелять нужно с вытянутой руки, чтобы ствол был ее продолжением, подготовку к выстрелу довести до автоматизма, чтобы оставалось только зарядить обойму, а как только она встанет на место, просто навести оружие на цель, и когда она окажется на прицеле, нажать на курок, и пуля полетит куда надо. Ну что, может, попробуешь? Видишь вон ту псину? Давай, пристрели ее.

Отклонение

Тот, кто хочет узнать о человеке
всю правду, должен впитать его боль.

ЖОРЖ БЕРНАНОС
Радость

1

Самая яркая вспышка, взрывная волна, сметающая все на своем пути, — секс, да-да, он самый, и хватит уже делать из этого тайну. Клер Фарель поняла это, когда ей было девять лет и у нее на глазах их семья развалилась из-за того, что мать испытывала неудержимое влечение к профессору медицины, случайно встреченному ею на каком-то конгрессе; Клер поняла это, за годы работы неоднократно наблюдая, как известные люди в один миг теряют то, что создавали всю жизнь: высокое положение, репутацию, семью — социальные конструкторы, надежность которых обеспечивалась долготелним упорным трудом, уступками-недомолвками-посулами — тремя столпами прочного брака; она видела блестящих представителей политической элиты, скомпрометированных надолго, а то и навсегда из-за короткого приключения, мимолетной прихоти, властного зова плоти: “Сейчас же, немедленно!”; она и сама могла бы оказаться в центре одного из самых громких скандалов в истории Соеди-

ненных Штатов: ей тогда было двадцать три года, и она проходила стажировку в Белом доме одновременно с Моникой Левински — той, что прославилась на весь мир, сломав карьеру президента Билла Клинтона, а Клер лишь потому не попала на место этой сладострастной брюнетки, которую президент называл “девчушкой”, что не соответствовала канонам красоты, принятым тогда в Овальном кабинете: худощавая блондинка среднего роста с длинными, гладко зачесанными назад волосами, вечно в брючных костюмах мужского покроя, была совершенно не в его вкусе.

Клер часто задавала себе вопрос, что было бы, если бы президент выбрал ее, полуфранцуженку, полуамериканку, с головой на плечах, впечатлительную, предпочитавшую познавать жизнь по книгам, а не одарил своим вниманием Моника, упитанную брюнетку с плотоядной улыбкой, юную еврейскую принцессу, выросшую в богатых районах Brentwood и Беверли-Хиллз. Наверное, она поддалась бы неодолимому очарованию власти, влюбилась бы, как наивная девочка, и тогда спецпрокурор Кеннет Старр устраивал бы подробный допрос именно ей, Клер, загнанной в угол и вынужденной повторять слово в слово одну и ту же историю, послужившую пищей для кухонных сплетен во всех уголках мира и основой для доклада в четыреста семьдесят пять страниц, который поверг в трепет американскую правящую верхушку и ее приближенных и вызвал спонтанную нервную реакцию у ошеломленной публики, в порыве негодования призвавшей к войне за нравственность; и тогда

она вряд ли стала бы известной французской интеллектуалкой и не смогла бы спустя десять лет, встретившись с этим самым Биллом Клинтонем за ужином в честь выхода в свет его мемуаров, задать ему вопрос в лоб: “Мистер Клинтон, почему вы согласились пройти унизительную процедуру раскаяния и защищали жену и дочь, не проявив ни малейшего сочувствия к Монике Левински, чья личная жизнь была разрушена раз и навсегда?” Он небрежно махнул рукой, словно отменяя вопрос Клер, и с нарочитой непринужденностью поинтересовался: “А вы, собственно, кто?” Он ее не вспомнил, что было, в общем-то, нормально, ведь их пути пересекались почти двадцать лет назад, и хотя он конечно же сталкивался в коридорах Белого дома с этой привлекательной девушкой с рыжеватыми, как у венецианки, волосами, словно сошедшей с картин прерафаэлитов, он ни разу с ней не заговорил: *какой смысл президенту заговаривать с какой-то стажеркой, если он не собирается ее трахнуть?*

С тех пор как в 1995 году блестящие успехи в учебе и многочисленные рекомендации позволили им троим переступить порог Белого дома, прошел двадцать один год. Первая, Моника Левински, в возрасте двадцати пяти лет пронеслась словно метеорит по просторам мировой медиагалактики благодаря единственному величайшему свершению — оральному сексу, сопровождаемому эротической игрой с использованием сигары. Вторая, самая юная из трех, Хума Абедин, девушка с индо-пакистанскими корнями, родители которой основали Ин-